

В. И. Иванов — Э. К. Меттнеру

22/IX/29

Дорогой Эмилий Карлович,

Когда начинаю сокрушаться сердцем о тяжелой вине моего молчания, длящегося чуть не со дня нашей разлуки в Давосе, эта постыдная вина чудовищно вырастает в моих глазах пропорционально количеству накопившихся с того дня великодушных и дружеских дел Ваших, за которые я обязан Вам величайшего признательностью. Как измеряется для меня тяжесть этой вины, Вы усмотрите из перечня испытанных много, но, увы, не выраженных эмоций благодарного чувства — за...:

1) за грудку присланных мне в Давос книг, которыми я интенсивно воспользовался там и которые оставил там же, у моего сына (Demetrius Ivanov, Sanatorium Albula, Davos-Dorf) и будут Вам высланы в Цюрих по первому требованию,

2) за присланные мне в Давос по Вашей просьбе госпожой Rühler томики Гете, возвращенные мною перед отъездом и, я надеюсь, дошедшие благополучно по назначению, вместе с моим благодарственным письмом,

3) за Ваш маленький Meisterwerk — «Meister Nikisch», — превосходно написанную, прямо классическую работу,

4) за полученную мною книгу «Психологические типы», прекрасно изданную и вовсе не плохо (несмотря на Ваше суровое, помнится, осуждение перевода) переведенную, но глубоко мне не нравящуюся — всем: и рапсодическим настроением, и ненужными, по существу, дилетантскими дигрессиями и экскурсами, и неопределенностью изложения основной теории, и абсолютистическим (в своем нигилизме) покушением свести все, безостаточно, на одну психологию, и — наконец — (это уже верх авторской hybris) своею проповедью (правда, книга о Libido еще weitschweifender und... frecher!),

5) за посылку для моей дочери, которая пишет Вам сама,

6) за переписку обо мне с Pelropolis, куда я сам еще не писал: придется, следовательно, отказаться от радости проснуться после долгой спячки под знаменами дружественного Мусажета, т. е. отказаться от его марки и принять условия Петрополиса,

7) за постоянное и памятливое внимание и участие вообще, за добрые письма и верную дружбу.

Из моего протеста против Юнга не делайте вывода, что я осуждаю выход «Псих<ологических> типов» под маркою Мусажета. Считаться с Юнгом стоит, и Мусажет еще выяснит окончательно со временем свое отношение к его теориям, независимость коего уже и в предисловии слегка намечена. Шпиттелер мне так не понравился, показался столь анти-художественным, и ритм его прозы (особенно ритм!) столь фальшивым, что я не мог дочитать «Прометея» до конца. А Meyrink понравился, судя по началу, но дочитать его не было времени; можно его выписать сюда от Димы? И еще «Иогу»? —

Обнимаю Вас, дорогой друг, нежно. Спешу отослать это письмецо в Montmorency, чтобы оно еще Вас там застало. Черкните из Цюриха, куда буду писать.

Любящий Вас и благодарный Вяч. Иванов.

«Прометея» (Гете, драм.) я перевел в Давосе, и кое-что другое, и уже отослал. Лидия работает над новым заказом («Кантата о Хлебе»). Она в Риме. Дима в Давосе, all right. О Раевском еще поговорим. Я также думаю, что романтики — внутрь обращенные типы, в противоположность классикам.

